

ПОЭМА “АВРОРА ЛИ” ЭЛИЗАБЕТ БАРРЕТ-БРАУНИНГ КАК ПАМЯТНИК ВИКТОРИАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

© 2017 г. Е.В. Халтрин-Халтурина

Доктор филологических наук (РФ), доктор философии в области английской филологии (США), ведущий научный сотрудник Отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
elenahaltrin@yandex.ru

Дата поступления материала в редакцию 27 апреля 2017 г.

AURORA LEIGH BY BARRETT BROWNING AS A LANDMARK OF VICTORIAN LITERATURE

© 2017 Elena V. Haltrin-Khalturina

Doctor of Philological Sciences (Russia), PhD in English (the USA), Leading Researcher at the Department of Classical Western Literatures and Comparative Literary Studies of the Gorky Institute of World Literature of the RAS, 25a Povarskaya Str., Moscow 121069, Russia.
elenahaltrin@yandex.ru

Received by Editor on April 27, 2017.

В статье освещается, каким образом в известной поэме викторианской эпохи “Аврора Ли” (1856) преломились традиции романтической автобиографии и викторианского романа. Уделено внимание особенностям викторианского мировосприятия и викторианской литературы. Приводится характеристика “литературных эпифаний”, встречающихся в “Авроре Ли”, которые являют собой викторианский аналог вордсвортовских “мест времени” из поэмы “Прелюдия”.

The article looks at the traditions of Romantic autobiography and the Victorian novel, which were picked up and rethought by Elizabeth Barrett Browning in *Aurora Leigh* (1856). We touch upon the Victorian agenda and characteristic features of the Victorian literature. Special attention is paid to literary epiphanies present in *Aurora Leigh* (in particular, Aurora’s vision of Miriam and the moment of “double vision” in the finale), which offer a Victorian take on Wordsworth’s “spots of time”.

Ключевые слова: творческая автобиография, профессия поэтессы, романтическая и викторианская психология творчества, “эпифании”, “двойные моменты видения”, “коллективные видения”, Э. Баррет-Браунинг, Ш. Бронте, У. Вордсворт, В. Вулф.

Keywords: artistic autobiography, professional poetess, Romantic and Victorian psychology of creativity, epiphanies, moments of “double vision”, “shared epiphanies”, E. Barrett Browning, Ch. Brontë, W. Wordsworth, V. Woolf.

История литературы знает немало примеров, когда книги, снискавшие славу в своей стране, долгое время не изучаются за ее пределами в силу отягощенности специфическими культурными реалиями. Такая судьба постигла и поэму “Аврора Ли” (“*Aurora Leigh*”, 1856) британской поэтессы Элизабет Баррет-Браунинг. Это произведение (ок. 11 тыс. строк, написанных белым стихом) пока не переведено на русский язык, хотя в научной литературе упоминалось неоднократно. В Англии поэма пользуется известностью и в наше время, а в викторианскую эпоху “Аврору Ли” знала вся читающая Великобритания и Северная Америка. Хвалебные отзывы

о поэме оставили Дж. Элиот, Т. Карлайл, О. Уайлд, Р. Киплинг, Э. Диккинсон. Элизабет Баррет-Браунинг определяла жанр “Авроры Ли” как “роман в стихах” (“a novel in verse”). Современные литературоведы характеризуют это произведение как гибрид эпической поэмы и духовной биографии поэтессы (*Künstlerroman*). Здесь мы поразмыслим об “Авроре Ли” как о представительном явлении своей эпохи.

Эпоха правления королевы Виктории (1837–1901) представлена многочисленными литературными школами и движениями. Скрещенье “высокой” литературы с “журнальной”, имеющей “массовый” характер, укрепление тенденций реализма,

дальнейшее развитие психологии творчества, обособление детской и женской литературы как отдельных направлений — неотъемлемые черты викторианской литературы.

Рассуждая о “духе” викторианской словесности и о культурном климате времени, знатоки эпохи отмечают так называемую “феминизацию” тогдашней общественной жизни и литературы [14, р. XXXV]. Несмотря на то, что слова “феминизация” и “феминизм” однокоренные, ставить знак равенства между ними не следует, так как за этими понятиями стоят разные ценности. Первое понятие означает повсеместное проникновение в литературу женских тем и вкусов (включая вполне патриархальные), второе — отстаивание “равенства” полов в различных сферах жизни.

Как же дух эпохи отразился в литературных образах? Если говорить о тяге к феминизации, то примером популярного патриархального женственного образа может служить викторианский идеал “домашнего ангела” (“the angel in the house”). Это фигура скромной, очаровательной женщины, находящейся в подчинении мужа, довольствующейся ролью матери и домохозяйки, готовой всегда жертвовать собой и своими интересами ради семьи. Выражение “домашний ангел” часто встречается в литературоведении, занимающимся викторианской эпохой, а восходит оно, как известно, к названию одноименной поэмы англичанина Кавентри Пэтмора (Coventry Patmore), воспевшего в этом образе свою супругу (первое изд. 1854 г.). Идеал “домашнего ангела” вызывал негодование феминисток, хотя его тиражирование являло собой одно из проявлений феминизации.

Разумеется, были между феминизацией и феминизмом не только расхождения, но и точки соприкосновения. Так исторически сложилось, что в викторианскую эпоху многие женщины начали осваивать интеллектуальные профессии. Образ трудоустроенной интеллигентной женщины импонировал и сторонникам эмансипации, и защитникам семейных устоев, вдохновленных примером жизни правящей королевы, которая являлась не только лидером государства, но также преданной супругой и многодетной матерью.

Профессиональные писательницы, поэтессы, редакторы литературных журналов в большинстве своем не стремились примерять мужской костюм, обзаводиться курительными трубками, участвовать в суфражистских шествиях и полностью отречься от идеала “домашнего ангела”. Напротив, всё, что выходило из-под их пера, отражало дамский взгляд на вещи. Женщины и им сочувствующие представители сильного пола повествовали о домашнем

укладе жизни, о тихих радостях семейного очага, проявляя интерес к новинкам из сферы домоводства, садоводства, педагогики и моды. Кроме того, как и в прежние времена, женский стиль отличался особой эмоциональностью и тягой к фантастическим сочетаниям достоверного и надуманного.

Примечательно, что в 1928 г., оглядываясь на ушедшее столетие, Вирджиния Вулф, образно описала викторианскую эпоху в романе “Орландо” как “женоподобную” и проникнутую излишней “мокротой” (импровизация на тему темпераментов). Метафорическая сырость царила везде: влажность воздуха пропитывала тело и душу, вызывая общую вялость и флегматичность. Образом этой эпохи, по Вулф, явились кучевые облака, расцвеченные витражными бликами, и нелепо разряженный монумент королевы Виктории, в котором обнаруживалось “загадочное смешение торжественно облаченного с полуголым” [3, с. 204].

Наша современница, романист Антония С. Байетт, отразив культурный климат викторианской эпохи (в том числе “феминизацию”) в романе “Обладать” (Possession, 1990), вывела в него в качестве главных героинь женщин-интеллектуалок. Одна из линий романа посвящена любви двух равно одаренных поэтов XIX в. — мужчины и женщины (собирательные образы, в которых узнаются черты пиков викторианской эпохи). В романе воскрешается атмосфера того времени, пронизанная дамским творчеством. В поэтических вставках-имитациях выделяются яркие ноты — известные всем викторианцам поэтические голоса Кристины Россетти и Элизабет Баррет-Браунинг. На творчестве последней мы здесь и остановимся.

* * *

Широко читаемым поэтическим манифестом Э. Баррет-Браунинг явилась ее поэма “Аврора Ли”, которая названа именем главной героини. Это одаренная молодая особа, пытающаяся найти свое место в английском обществе середины XIX в. Имя “Аврора” символизирует зарю новой эпохи, дарующей женщинам свободу выбора творческой профессии. В середине XIX в. о специальности литератора женщины могли только мечтать, ведь круг их возможностей ограничивался как правило домашним хозяйством или гувернерством. На пути к своей цели — сделаться известной поэтессой — героиня сталкивается со всеми присущими этой стезе испытаниями. В поэме освещены условия женского образования и трудоустройства, совмещение семейных забот и карьеры, недоверчивое отношение супруга к профессии жены, необходимость заниматься литературной поденщиной ради заработка и т.п. Главная проблема, которую решает героиня

поэмы, — способность сохранить свою женственность, свое лицо, вступив в мир производства и специализации.

Не мудрено, что поэма “Аврора Ли” обрела в викторианской Англии множество почитателей и выдержала десятки переизданий. Конечно, не все рецензии на книгу были хвалебными, но популярность поэмы от этого не пострадала.

К 30-м годам XX века, когда мысли, высказанные в поэме, перестали казаться слишком смелыми, об “Авроре Ли” стали забывать. К примеру, В. Вулф в “Обыкновенном читателе” (1925) отмечала, что поэма перегружена известными всем деталями: устаревшими повседневными реалиями, цитатами из Библии, мифологическими аллюзиями — и потому скучна: «если рука и тянется взять с книжной полки “Аврору Лей”¹», то из желания не столько прочесть, сколько полистать от нечего делать любопытный памятник ушедшей эпохи — мы с тем же настроением теребим подол старинного платья из сундука нашей бабушки...» [2, с. 338].

К 1970-м годам поднялась новая волна интереса к “Авроре Ли”: поэма начала восприниматься как кладезь сведений о викторианской эпохе. Произведения стали цитировать, переиздавать, пристально изучать. Сегодня достаточно заглянуть в библиотечные каталоги, чтобы убедиться: в англоязычном литературоведении об “Авроре Ли” (1856) написаны сотни научных работ — не меньше, чем о “Базаре Гоблинов” (1862) Кристины Россетти или о “Принцессе” (1847) Альфреда Теннисона.

* * *

В своей поэме Баррет-Браунинг продолжает и переосмысливает традиции английского женского романа. Примечательно, что история Авроры Ли местами напоминает читателям историю Джейн Эйр из одноименного романа Шарлотты Бронте (1847), изданного почти на 10 лет раньше. Как подмечают исследователи, в обоих произведениях показана “история сильного женского характера” и имеется “много отступлений, в которых раскрываются социальные, этические, эстетические воззрения автора” [4, с. 360].

Добавим к этому, что между “Джейн Эйр” и “Авророй Ли” имеются интересные параллели на уровне образов, мотивов, сюжетных ходов. Так, обе заглавные героини — Аврора Ли и Джейн Эйр — рано остаются сиротами. Обеих опекают строгие тетюшки, питающие неприязнь к одному из умерших родителей героини. Неприязнь эта

оборачивается жестоким обращением теток с подопечными. В “Джейн Эйр” упоминается красная комната, куда разгневанная тетка запирает малютку Джейн на несколько суток. Незадолго до этого в комнате умер человек, и девочке жутко оставаться там в одиночестве. В “Авроре Ли” тетка поселяет Аврору в очень неудобную “зеленую комнату”, которая также становится местом тяжелых переживаний впечатлительного ребенка. В обеих историях тетка умирает, не успев (а может быть, не пожелав) передать сироте-героине подарок от дальнего родственника — подарок, который сделал бы ее богатой независимой наследницей.

В романе “Джейн Эйр” героиня получает два предложения руки и сердца: от мистера Рочестера (в доме которого она служит гувернанткой и которого искренне любит) и от кузена Сент-Джона (он ищет себе не возлюбленную, а спутницу в миссионерских скитаниях). Примечательно, что объяснение с Рочестером у Джейн происходит чудесным июньским вечером в саду в родовом поместье героя. В поэме Баррет-Браунинг можно отыскать похожую сцену: чудесным июньским днем в саду родового поместья Ли героине делает предложение ее кузен Ромни. Как выясняется по ходу поэмы, Ромни совмещает в себе черты, напоминающие как Сент-Джона, так и Рочестера. В первых книгах поэмы Ромни Ли — филантроп, увлеченный благотворительной деятельностью и ищущий себе жену-соратницу. В последней книге Ромни предстает как герой рочестеровского типа: оставив позади увлечения и ошибки ранней молодости и лишившись зрения, он готов посвятить себя любимой жене и семейному очагу.

Кроме того, в обеих историях присутствует знатная и красивая дама, которую героиня ошибочно принимает за счастливую соперницу. В “Джейн Эйр” это капризная Бланш, а в “Авроре Ли” — коварная леди Вальдемар (тот же тип “хищной” красавицы, к которому принадлежат Бекки Шарп из “Ярмарки тщеславия” и Элен Курагина из “Войны и мира”).

Внешнее сходство “Авроры Ли” и “Джейн Эйр” бросалось в глаза уже современникам Э. Баррет-Браунинг. Однако на самом деле многие бронтевские темы оказались у Баррет-Браунинг вывернуты “наизнанку”. Вот почему поэтесса всячески противилась проведению параллелей с упомянутым романом. Так в письме от 26 декабря 1856 г., адресованном подруге, Элизабет Баррет-Браунинг писала следующее:

«Прежде чем оставить этот разговор <о рецензиях на “Аврору Ли”. — Е.Х.-Х.>, я хотела бы обратить внимание на твоё замечание о сходстве описанных

¹ Отечественные исследователи транслитерируют заглавие по-разному: “Аврора Ли” [4] и “Аврора Лей” [2].

мною событий с трагедией, случившейся в романе “Джейн Эйр”. Я распорядилась, чтобы из здешней библиотеки мне доставили экземпляр “Джейн Эйр” (но он еще не прибыл) — и собираюсь освежить в памяти этот роман. Однако насколько я помню, герой того романа потерял зрение и был сильно физически изувечен во время пожара, обстоятельства которого я совершенно забыла. Шрамы, искажившие наружность героя, — главное, что должно поразить читателя и врезаться ему в память. По крайней мере, это то, что запомнилось мне. Если ты теперь перелистаешь мою поэму, то увидишь, что единственное повреждение, которое получил Ромни — эмоциональное, психологическое. И произошло оно не от самого пожара, а от переживаний, с пожаром связанных. Он не только не лишился глаз, но и описывает пожар так, как это может сделать только зрячий. Он наблюдал пожар со стороны. После пожара у него началась лихорадка, и глаза — зрительные нервы — отказали, что никак не отобразилось на его лице — страданиями и слепотой он похож на великого Милтона» (Перевод мой. — *Е.Х.-Х.*) [7, р. 340].

В этом отстаивании несхожести двух произведений есть своя правда. Заглавные героини Джейн Эйр и Аврора Ли — люди разных устремлений. Героиня Шарлотты Бронте — гувернантка, ее аудитория — учебный класс. Но карьера для нее не является целью жизни: в системе бронтевских ценностей профессиональное призвание героини занимает не самое приоритетное место. В конце романа Джейн возвращается к тому идеалу женщины — жены и матери, — который воспевался в поэме Пэтмора “Домашний ангел”. В противовес ей, Аврора — мастер слова, постоянно работающая над собой; ее аудитория — вся читающая Великобритания. Для Авроры работа столь же важна, сколь и семья. Она является одновременно и хранительницей очага, и состоявшимся профессионалом. Это двойное служение, требующее от героини самоотверженности. Как заметили Сандра Гилберт и Сюзан Губар, «“Аврора Ли” начинается там, где заканчивается “Джейн Эйр”. <...>. Если самоутверждение Джейн — результат долгой борьбы за сохранение своей идентичности, своего истинного лица, то для Авроры самоутверждение есть постулат, с которого и начинается борьба за те лишения, благодаря которым формируется ее идентичность. Задача Джейн — научиться полностью принимать себя; задача Авроры — научиться самоотречению» (Перевод мой. — *Е.Х.-Х.*) [11, р. 576].

Как ни странно, это самоотречение (сопутствующее осознанию своего призвания) близко понятию “эгоцентристского” возвышенного, которое связывается с жизнью и творчеством английского

романтика Уильяма Вордсворта. Термин “эгоцентристское” (egotistical) восходит к изречению Джона Китса (письма к братьям от 28 дек. 1817 г. и 3 фев. 1818 г. [13]), охарактеризовавшего таким образом поэтическую манеру Вордсворта. Вордсворт, по мнению Китса, был поглощен наблюдениями за движениями своей души. В данном контексте “поэт-эгоцентрист” — человек отрешенный от всего мирского, живущий своим поэтическим миром и не знающий ничего кроме своего служения. Современники Вордсворта и Китса считали такую “эгоцентричность” сугубо мужским качеством. Такой “мужской” отрешенностью Элизабет Баррет-Браунинг наделяет женщину-поэтессу.

Создавая биографию души викторианской поэтессы, Баррет-Браунинг не раз оглядывалась на поэму романтика У. Вордсворта “Прелюдия, или Становление сознания поэта” (1805/1850). Сходство методов создания характеров в обеих поэмах налицо: «В выборе творческих методов Баррет-Браунинг следует за Вордсвортом: в основу ее поэзии положен личный опыт, связанный с самыми заурядными вещами и обретающий значимость лишь в лучах творческого “эгоцентристского” воображения. И всё-таки она отклоняется от модели, созданной Вордсвортом, — но отнюдь не путем отрицания романтической эстетики. Расхождения с Вордсвортом обусловлены тем, что у Баррет-Браунинг судьбу романтического поэта примеряет на себя особа не мужского, а женского пола» (Перевод мой. — *Е.Х.-Х.*) [9, р. 389].

Баррет-браунинговская переключка с Вордсвортом обращала на себя внимание и других исследователей [10]; [15]. В их трудах говорилось, что “Аврора Ли” вступает в диалог с Вордсвортом, развивая мотивы природы и города, а также тему возвращения и укрепления в душе поэта чувства любви. Трактовка этих мотивов у романтического поэта и викторианской поэтессы, разумеется, не вполне одинаковая.

Для романтика Вордсворта было неоспоримым фактом то, что в воспитании юного поэта ведущую роль играет природа родного края — леса, холмы, просторы. Сталкиваясь с разнообразными трудностями во время загородных прогулок, ребенок не только любит природными красотами, но и попадает в опасные ситуации. В эти моменты он вырабатывает характер и получает уроки нравственности: ощущает на себе, что такое честность, справедливость, человеческая взаимопомощь. К жизни города отношение Вордсворта было далеко не восторженным. В стенах города романтическому герою душно, он чувствует испорченность нравов и стремится обратно на лоно природы. Что же

касается любви, то для Вордсворта это не столько нежная влюбленность, сколько дружеское “чувство плеча”. Настоящая мужская дружба, уважение к достойным людям из самых разных сословий и равнодушная гражданская позиция — примеры проявлений такой человеческой любви.

У Баррет-Браунинг описание благого воздействия природы на маленькую Аврору схоже с детскими воспоминаниями Вордсворта. Однако поэтесса высказала и ряд критических суждений о вордсвортовской модели воспитания природой, считая ее слишком идеалистической (*Aurora Leigh*, bk. 1, ls. 112–121). К городу у Баррет-Браунинг тоже свое особое отношение. Лондон для нее — не преисподняя (как его изобразил Вордсворт в кн. 7 “Прелюдии” и в поэме “Майкл”), а центр искусств и образования.

Именно в Лондоне Аврора начинает лучше понимать свой внутренний мир, совершенствуется как человек и как поэт. Аврору не смущают покатые крыши с почерневшими от сажи трубами и туман, переходящий в смог. Ее знакомство с Лондоном, переданное серией зарисовок в кн. 3 поэмы, завершается моментом видения, сравнимым по своей мощи с самыми яркими “эпифаниями” “Прелюдии” (у Вордсворта они происходят на фоне природы).

Роль моментов видения в “Авроре Ли” мне и хотелось бы здесь подчеркнуть, тем более что специальных работ о них пока нет. Опишу два таких эпизода.

Одно озарение, связанное с осознанием своего призвания, поэтесса переживает в Лондоне. “Пленительный” лондонский закат вызывает в памяти Авроры ветхозаветные образы: “²⁰ И взяла Мариам пророчица, сестра Ааронова, в руку свою тимпан, и вышли за нею все женщины с тимпанами и ликованием.²¹ И воспела Мариам пред ними: пойте Господу, ибо высоко превознесся Он, коня и всадника его ввергнул в море” (Исход 15: 20–21). Под впечатлением от видения, Аврора мысленно продолжает спор с современниками, полагающими, что женщина, берущаяся за сочинительство, умеет создавать лишь салонные стишки для пения под “перебирание струн лютни белыми перстами” (*Aurora Leigh*, bk. 2, ls. 170). В противовес этому расхожему мнению, Аврора утверждает в мысли, что поэтесса может оказаться способной на пророческие

²⁰Эпифании (литературные эпифании) — это, с одной стороны, озарения, нисходящие на героя (духовное или душевное открытие, осознание какой-либо мысли); с другой стороны, это структурная единица автобиографического текста. Подробнее см., например: [5]; [8].

слова. Аврору вдохновляют сильные, легендарные фигуры древности.

Другая “эпифания” поэмы раскрывает суть “двойного служения” поэтессы — одновременно талантливой художницы и хранительницы домашнего очага. В контраст финальному моменту видения вордсвортовской “Прелюдии” (подъем на вершину горы Сноудон и созерцание предрассветного неба и океана, переживаемое как момент общения с Богом), Баррет-Браунинг создает итоговую зарисовку в “Авроре Ли”, наблюдая Флоренцию в лучах солнечного зарева. Это поэтическая вариация на тему видения Нового Иерусалима. До Авроры доносится не рокот бурных потоков в горных ущельях, а красивый городской звук — перезвоны колоколов многочисленных флорентийских церквей. Имеется и другой контраст с Вордсвортом. У романтика вспышки его поэтического воображения оттенены присутствием друзей, а апогей видения случается, когда поэт остается один на один с Богом. У викторианской поэтессы всё происходит иначе. Апогеем и смыслом ее видения является присутствие мужа. Две сроднившиеся души — поэтесса и ее супруг — разделяют одну “эпифанию”, вместе восхищаясь Божественным творением.

* * *

Подведем некоторые итоги нашим размышлениям. Поэма “Аврора Ли” — яркое явление викторианской литературы: в ней получили точное отображение многие настроения эпохи и проблемы, занимавшие умы викторианского общества (в частности, усложнившиеся социальные, профессиональные и семейные отношения). Поэма развивает традиции женского романа (что мы увидели на примере сравнения “Авроры Ли” с “Джейн Эйр”). В поэме осмыслена романтическая психология творчества в приложении к женской судьбе.

Напомним, для старшего романтика Вордсворта формула успешного творчества — это регулярное перемежение ярких эмоций с медитативным спокойствием. Припоминая в тишине размышлений прошлое, поэт дает ему новую жизнь — и старые впечатления окрашиваются новыми яркими красками. Прочитаем Вордсворта: “Поэзия представляет собой стихийное излияние сильных чувств, ее порождает чувство, к которому мы в спокойствии мысленно возвращаемся; мы размышляем над этим чувством до тех пор, пока благодаря некой реакции спокойствие постепенно не исчезнет и чувство, родственное тому, над которым мы только что размышляли, постепенно не возникнет и не закрепится в нашем сознании. В этом состоянии

обычно начинается процесс творчества” (Перевод А.Н. Горбунова) [1, с. 274].

Элизабет Баррет-Браунинг предложила свою формулу успешного творчества, пригодную для поэтессы, живущей во времена королевы Виктории. Это комбинация спокойствия (наподобие того, которое царит в душе человека, любящего пейзаж) и ярких чувств (которые поэтесса испытывает при общении с другом сердца). Кстати сказать, баррет-браунинговский “двойной момент видения” предвосхищает так называемые “коллективные видения” Вирджинии Вулф (о последних см.: [6, с. 99]; [8, р. 143]). Таким образом, эксперименты викторианской поэтессы, превратившей одиночные моменты видения романтического поэта в видения-диалоги, были успешно продолжены в следующие десятилетия английскими модернистами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Вордсворт У.* Предисловие к “Лирическим балладам” (1802) // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / Сост., ред. А.С. Дмитриев. М.: МГУ, 1980. С. 261–278. [Wordsworth, W. *Predislovie k “Liricheskim balladam”* [Preface to “Lyrical Ballads” (in Russian transl.)]. Moscow, 1980.]
2. *Вулф В.* “Аврора Лей” // Вирджиния Вулф. Обыкновенный читатель / Статьи, примеч. и пер. Н.И. Рейнгольд. М.: Наука, 2012. С. 337–346; 729–733. (Сер. “Литературные памятники” РАН). [Woolf, V. *Obyknovennyi Chitalatel* [The Common Reader (in Russian transl.)]. Moscow, 2012.]
3. *Вулф В.* Орландо: Роман / Пер. с англ. Е. Суриц. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 199–204. [Woolf, V. *Orlando* (in Russian transl.). St. Petersburg, 2004.]
4. *Рогов В.А.* Английская поэзия [второй половины XIX в.] // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. На титл.л. изд.: История всемирной литературы: в 9 т. Т. 7. 1991. С. 359–366. [Rogov, V.A. *Angliiskaya poeziya vtoroi poloviny 19 v.* [The English Poetry of the 2nd Half of the 19th Cent.]. *Istoriya vseмирnoi literatury: V 8 t. T. 7.* [A History of World Literature in 8 vols. Vol. 7]. Moscow, Nauka Publ., 1991. P. 359–366].
5. *Халтрин-Халтурина Е.В.* От романтических “вспышек воображения” к модернистским “эпифаниям”: преемственная связь // Вестник РГГУ. Серия “Филологические науки. Литературоведение и фольклористика”. № 7 (69), 2011, М.: РГГУ, 2011. С. 27–36. [Haltrin-Khalturina, E.V. [From Romantic “Manifestations of Imagination” to Modernist Epiphanies: A Case of Continuity]. *Vestnik RGGU. Seriya “Filologicheskie nauki. literaturovedenie i folkloristika”* [RSUH Bulletin]. No. 7(69). Moscow, 2011. P. 27–36.]
6. *Халтрин-Халтурина Е.В.* Поэтика композиции в “биографиях души” У. Вордсворта и В. Вулф: “моменты видения”. // Английская литература от XIX века к XX, от XX к XIX: Проблема взаимодействия литературных эпох. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 84–113. [Haltrin-Khalturina, E.V. [On Composition Poetics of “Biographies of the Mind” of Wordsworth and Woolf]. *Angliiskaya literatura ot 19 v. k 20 v. i ot 20 v. k 19 v.; problema vzaimodeistviya literaturnykh epoch.* [The English Literature from the 19th Cent. towards the 20th Cent. and Back Again: On Interconnections of the Literary Epochs]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009. P. 84–113.]
7. *Barret Browning, E.* Aurora Leigh: Authoritative Text, Backgrounds and Contexts, Criticism / Ed. M. Reynolds. N.Y.; L.: WW Norton & Company, 1996. XI+565 p. (“A Norton Critical Edition” Series).
8. *Beja, M.* Epiphany in the Modern Novel. Seattle: Univ. of Washington Press, 1971. 255 p.
9. *Blake, K.* Elizabeth Barrett Browning and Wordsworth: The Romantic Poet as a Woman // Victorian Poetry, Vol. 24, No. 4, Wordsworth among the Victorian Poets (Winter, 1986). P. 389.
10. *Epstein Kobayashi, E.V.* Feeling Intellect in Aurora Leigh and The Prelude // Studies in English Literature 1500–1900, Volume 51, Number 4, Autumn 2011. P. 823–848.
11. *Gilbert, S.M., and S. Gubar.* The Madwoman in the Attic: The Woman Writer and the Nineteenth-Century Literary Imagination. 2nd ed. New Haven and London: Yale Univ. Press, 2000. XLVI+719 pp.
12. *Hughes, L.K.* Elizabeth Barrett Browning, Aurora Leigh // L.K. Hughes. The Cambridge Introduction to Victorian Poetry. Cambridge: New York: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 275.
13. *Keats, J.* The Letters of John Keats // Romanticism: An Anthology. 2nd ed. / Wu D., ed. Oxford, UK, 1998. Pp. 1019–1021.
14. *Leighton, A.* Introduction II // Victorian Women Poets: An Anthology. Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 1995. P. XXXV–XL.
15. *Peterson, L.H.* Traditions of Victorian Women’s Autobiography: The Poetics and Politics of Life Writing. Charlottesville; London: Univ. Press of Virginia, 1999. XIII+256 pp.